

ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ ЛЬВОВЩИНЫ

Борис Васильевич РОМАНИУК, народный артист СССР, актер театра им. Марии Заньковецкой

Он — современник, ученик, сподвижник корифеев украинской сцены. В автобиографии, написанной по просьбе Государственного музея театрального, музыкального и киноискусства УССР, он о себе говорит: «Я, Романиук Борис Васильевич, родился в селе Чернобай на Черкасщине. В 1915 году закончил Киевский коммерческий институт и школу им. Н. Лысенко. С 1922 по 1948 год был руководителем театра им. М. Заньковецкой. С Марией Заньковецкой и Панасом Саксаганским работал с 1915-го по 1922 год...»

В 1927 году, когда Романиуку было присвоено звание заслуженного артиста УССР,

Мария Константиновна Заньковецкая написала: «Ты ведь мое детище любимое и самое талантливое, ты ведь орленок из моего гнезда...»

Большие заслуги народного артиста СССР, коммуниста Б. В. Романиука дважды отмечены орденом Ленина. Он лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии УССР им. Т. Г. Шевченко.

Сегодня Борису Васильевичу Романиуку — одному из основателей театра им. Марии Заньковецкой, талантливому режиссеру и актеру, наставнику нескольких поколений заныковчан, исполняется девяносто лет.

(Очерк о Б. В. Романиуке «Служить таким высоким идеалам любви!» читайте на 3-й стр.)

ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ ЛЬВОВЩИНЫ

«В ТЕАТРЕ играть должны только настоящую литературную драму, где страдания души человеческой тревожат каменные сердца и кору ледяную равнодушия на них разбивши, проводят в душу слушателя жажду правды, жажду всеобщего добра». Эти слова принадлежат герою пьесы И. Карпенко-Карого «Суета» — Ивану Барильченко. Сколько уже поколений украинских актеров произносили их, всем сердцем своим и разумом исповедуя выраженный в них идеал театра. Первый их сказал со сцены корифей украинского театра Саксаганский — для него и о нем была написана драматургом пьеса и главная в ней роль. А спустя годы вслед за Учителем их

стареется помочь, а у меня все равно ничего не выходит. А тут и автор приехал, тоже недоволен мной, волнуется. Такие муки я испытал, что и сказать трудно. Не понимал я, что всему виной моя молодость, неопытность, решил — бездарь я, и в театре мне нечего делать...»

На репетиции сел, пригорюнившись, в углу сцены. Вдруг слышит над собой ласковый, чуть взволнованный голос (он у нее всегда был такой):

— Отчего это голову повесил? Он поднял глаза — Заньковецкая. И как на исповеди, рассказал ей о своей неудаче, о том, что решил бросить сцену.

— А ну-ка, давай после работы еще раз почитаем твою роль, — предложила Мария Константиновна.

Она стала читать, увлеклась, да так вошла в образ, что он сразу уловил то самое главное, не дававшееся ему в роли.

После премьеры его поздравляли коллеги, режиссер, бла-

годарил автор. А он в эти минуты думал о том, какие слова снамет той, что помогла ему, как выразит всю глубину сердечной признательности ей.

И никак не мог он предположить тогда, что пройдет всего семь лет, и он станет художественным руководителем театра, который будет назван именем этой замечательной актрисы, и что это будет новый советский театр, который понесет в массы новое искусство.

О таном искусстве мечтала Мария Заньковецкая, когда задолго до Великого Октября писала: «Я верю в лучшее будущее родного народа, я верю, нет, я уверена, что свободный гений этого народа создаст новое, свободное национальное искусство. Это искусство будет глубоко и органично связано с интересами народных масс, будет помогать им, разностороннему развитию, их борьбе за лучшее будущее, за красивое духовно и сильного человека.»

Летом 1922 года Борис Романиукий вместе с небольшой группой актеров выехал из Киева в гастрольную поездку по Украине. Однажды (это было в Житомире) во время спектакля ему принесли за кулисы телеграмму — срочно вызывают в Киев для участия в организации нового украинского театра.

Об этом театре несколько позже один из его самых преданных друзей, известный украинский писатель Остап Вишня напишет: «Родился, значит, от революции, а крестной матерью у него Советская власть была.»

У колыбели театра, созданного в ознаменование 40-летия артистической деятельности Марии Заньковецкой, стояли А. Корольчук, Б. Романиукий, В. Яременко, В. Любарт.

В двадцатые годы на Украине родилось немало театров. Но свет рампы большею частью из них погас, едва начал светиться. Почему? Ответ на этот вопрос находим в высказывании ближайшего соратника и сподвижника Романиукого народного артиста СССР Василия Сергеевича Яременко, в одной из своих статей писавшего: «Почему оказался таким коротким век многих театров, возникших в первые послеос-

тальские годы? А потому, что они в большинстве своем механически повторяли художественные принципы и репертуар других театров и мало искали свое, оригинальное...»

В чем причина, что театр им. Заньковецкой не только не распался, но и выбился на широкую дорожку? Главнее было в том, что в своей работе он сознательно опирался на рабочий класс, рабочего зрителя. Это был совершенно новый зритель. Это был тот зритель, который с первой реплики актера, если она была ему близка да еще согрета горячим сердцем художника, открывал ему свои «крепкие объятия». Именно рабочий класс воспитывал коллектив и политически, и духовно...

«Постоянная тесная связь с рабочим зрителем, постоянное

художественное руководство в лице Б. Романиукого — отмечает В. С. Яременко, — помогла нам не только не расплыться или грубо свернуть в сторону от нашего намерения созидать пролетарский театр, но и вырасти в крепкую театральную единицу республиканского значения.»

Еще более точно формулирует творческое кредо своего театра сам Борис Васильевич Романиукий.

— В начале 20-х годов всех честных художников волновал вопрос, где и как искать художественную правду нового театра, каким будет его облик. Нам хотелось так играть на сцене, чтобы в нашем искусстве было дыхание и пафос советской действительности...

И руководитель театра борется за создание социально весомого репертуара, дает зеленый свет на сцену заныковчан новой, советской драматургии. Иван Микитенко, Александр Корнейчук, Александр Левада, Иван Кочерга, Константин Тренев, Николай Погодин... Эти и другие имена советских драматургов появляются на афише театра. А в послужном списке ролей Романиукого — актера один за другим встанут Гайдай и Платон Кречет, Часнык и Кошкин, Швандя и Дундич, Забелин и Берсеньев — герои нового времени.

Четверть века Романиукий бессменно стоял на вахте у руля театра им. Марии Заньковецкой. Романиукий — художественный руководитель, главный режиссер. С этим понятием связано рождение, становление и развитие такой особенной коллективизации заныковчан, как преемственность поколений, продолжение творческой эстафеты, первооткрывательство, верность современной теме, особенности, которые перерастают в традиции театра. Хотя сам Борис Васильевич и не очень любит говорить о традициях, считае-

т, что самая лучшая традиция — не надоедать людям и себе напоминанием о них.

«Мы сидим в кабинете Бориса Васильевича у него дома за его большим, старинным письменным столом. Перебираем письма, фотографии, журналы и газетные публикации с рецензиями на спектакли заныковчан. И то возвращаемся в прошлое, то снова говорим о сегодняшнем, а то и заглядываем в будущее. Это похоже на путешествие во времени.»

С фотографии смотрит смущенный мужчина, в горящих глазах — мука обманутого доверия, жаркий огонь любви. Отелло! Первый Отелло на украинской сцене.

«Первый» «впервые»... В творческой биографии Романиукого эти слова встречаются очень часто, характеризуют его подлинность в искусстве, его творческую смелость.

Еще фотография. Лукавое лицо Шелламенко-денщика. С этой ролью у Бориса Василье-

вича Романиукого связаны воспоминания о Фронтальной бригаде театра. Бесчисленное множество раз играли заныковчане этот спектакль на фронтах Великой Отечественной войны.

Однажды после представления подошел к Романиукому младший сержант и сказал: — Ты, братец, по-настоящему выкладываешься, как следует. Вначале я думал, ты так себе. Ан нет — свое дело знаешь, дай тебя поцелую, братец...

В другой раз, вспоминает Борис Васильевич, смотрю, среди бойцов сидит генерал. После спектакля он сразу ухватил куда-то на своем «виллисе». На следующий день играл в другом хозяйстве, среди зрителей — снова тот же генерал. И на третий день он приехал на наш спектакль. После спектакля подошел, крепко пожал руку и говорит: «Чертовски хорош твой Шелламенко!»

Вдруг глаза Бориса Васильевича грустнеют — в воспоминаниях о фронтовых буднях бригады радостное переплетается с тревожным, горьким.

— Никогда не забуду. Быстро бежит по степной дороге наш грузовик. Над головой — безбрежная голубизна, а внизу — неспахающая, осиротевшая земля. Подъезжаем к селу — хат нет, только дымари тоскливо глядят в небо. Тихо. Жутко. Посреди двора — разбитая печь, а чуть поодаль — детская кроватка. Голубенькая такая, и спинке ленточка привязана, ветер раскачивает на ней маленького и грушевого медвежонка... Какой ненавистью и фашистам, ворвавшимся в наш дом, выпалили наши сердца! И как хотелось приблизить победу над проклятым врагом!

...Газетная вырезка с выступлением Ярослава Галаана. Сразу же, на второй день после первого спектакля, пламенный трибун откликнулся на приезд заныковчан во Львов:

«...Наконец львовяне получили хороший украинский театр. Мы ждали его долго. История борьбы за наш театр во Львове — это история борьбы за элементарные права западной ветви украинского народа. Этот театр, как и университет, был мечтой нескольких поколений.»

Экземпляр «Театрального Львова», вышедшего к 25-летию театра им. М. Заньковецкой со статьей Ирины Вильде. Пасательница отмечает: 106

пес поставлены за эти годы в театре. Не все спектакли Борис Васильевич Романиукий ставил сам, но за каждый из них чувствовал себя морально ответственным перед народом и партией.

Письмо, написанное легкой женской рукой, датированное 1954 годом, и подпись: «Джавайра Хатулашвили».

— Играл Камо, я всегда ощущал творческое возбуждение, но в тот вечер мое волнение было особым — ведь мы играли в Тбилиси, где жил и работал пламенный большевик, ученик Ленина — Тер-Петросян. Перед открытием занавеса мне сообщили — в зале две родные сестры Камо. Одна из них Джавайра — преданный революционер, друг и соратник Камо. Идет спектакль, приближается сцена, где Камо встречается с Джавайрой. Сцена эта, красное выписанная автором, у нас, актеров, в тот вечер звучала особенно убедительно. И вдруг в самый кульминационный момент этой сцены женщина в первом ряду вскрикивает с места и стремительно выходит, почти выбегает из зала... Это была Джавайра. Я был ошарашен. Ну, думаю, у Джавайры мы со своим спектаклем потерпели провал. А на следующий день в театре — снова «Камо». Перед началом я глянула в зал и вижу: в первом ряду — Джавайра...

После спектакля сестра Камо пришла за кулисы, со слезами на глазах благодарила актеров и объяснила, почему вчера ушла из зала: очень разволновалась, почувствовала — большое сердце может не выдержать.

А когда после гастролей Борис Васильевич вернулся во Львов, дома его ждало вот это письмо — ныне одна из самых дорогих для него реликвий в его личном архиве.

...Программа нынешней премьеры — спектакль «Коммунист» возвращает нас в сегодня. К сожалению, Борис Васильевич не участвовал в премьеры — захворал. Но свою роль (он играет профессора, выступающего с докладом о ленинском плане ГОЭЛРО) подготовил, знает все мизансцены, хотя и успел побывать только на одной репетиции, и готов играть в спектакле, как только позволит здоровье. Он занят и в других спектаклях действующего репертуара театра, играет Адамовского («Мария Заньковецкая»), Трубецкого («Богдан Хмельницкий»), деда Тараса («В стелах України»), Сорочотысячничкова («Суета»).

Называю роли, спектакли, в которых занят 90-летний актер, и думаю: как счастливо сложилась судьба театра им. Марии Заньковецкой, что и сегодня на его сцену рядом с представителями молодого поколения выходит Борис Васильевич Романиукий, что у такого прекрасного партнера молодые актеры учатся мастерству с первых своих шагов в искусстве, что им дано услышать его похвалу или замечание, высказываемое приблизительно так: «Это ты делаешь прекрасно, но попробуй сделать еще вот так. Мне кажется, что так будет еще лучше, особенно в твоём исполнении». И то, и другое придает уверенности актеру в своих силах, он идет со спектакля открыланный, согретый вниманием настоящего художника и человека.

...Мы говорим с Борисом Васильевичем о ближайшем будущем, о предстоящих гастрольных заныковчан в Полтаве, Сумах, Кременчуге, где и театр и его хорошо знают. Только в одну гастрольную поездку не поехал он вместе с театром — несколько лет назад, в Алматы, и товарищи, и домашние отговорили, в то лето стояла в Казахстане страшная жара.

Он не мыслит себя без театра, театр ему необходим, так же, как и он театру — живой мостик, связывающий прошлое и настоящее, традиции и современность.

Д. ДОМБРОВСКАЯ.